

Санькова С. М.,
доктор исторических наук,
доцент, профессор кафедры философии и культурологии,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

Сага и виса: будни и праздники скандинавского мира.

В статье рассматривается тема взаимосвязи устного народного творчества с различными аспектами организации общественной жизни на примере культуры древней Исландии. Рассматривается появления праздника как части жизни господствующего слоя. Показано отражение в прозаическом и поэтическом творчестве Исландии процесса феодальной контрреволюции, противопоставляющей свои родовые свободы произволу норвежских королей. Прослеживается зависимость между развитием феодальных отношений и упадком искусства висы.

Ключевые слова: *Культура скандинавского мира, социальное значение праздников, феодализм, сага, виса, Снорри Стурлусон, Эгиль.*

Sankova S. M.,
Doctor of Historical Sciences,
Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies,
Orel State University named after I. S. Turgenev

Saga and Vis: everyday life and holidays of the Scandinavian world.

The article discusses the topic of the relationship between oral folk art and various aspects of the organization of public life on the example of the culture of ancient Iceland. The appearance of the holiday as a part of the life of the ruling stratum is considered. The article shows the reflection in the prose and poetry of Iceland of the process of feudal counter-revolution, opposing its tribal freedoms to the arbitrariness of the Norwegian kings. The relationship between the development of feudal relations and the decline of the art of visa is traced.

Keywords: *culture of the Scandinavian world, social significance of holidays, feudalism, saga, vis, Snorri Sturluson, Egil.*

Если мы обратимся к возникновению праздника как явления, то мы увидим, что он в начале не соответствовал смысловому значению этого слова – «праздный», «пустой», бездельный. Древнейшими праздниками являются обрядовые, связанные с годовым и жизненным циклами. С возникновением монотеистических религий появляются церковные праздники, связанные с религиозными догматами, также имеющие определенный годовой цикл. Эти два вида праздников роднит ряд признаков. Они демократичны и функциональны; выбор времени их проведения не зависел от желания человека, а определялся в первом случае состоянием природы и принятым естественным ходом жизни, а во втором – догматами. Как следствие, сроки праздников заранее известны и к ним можно долго готовиться. Такой праздник имеет более-менее устоявшийся и из года в год повторяющийся сценарий.

По мере расслоения общества выделяется новый вид праздника, который можно назвать корпоративные праздники (цеховые, воинские и т. п.). И, в частности, корпоративные праздники господствующего слоя, где отношения собравшихся строились по уровню богатства и власти. Разумеется, знать участвовала и в праздновании части родовых и в религиозных праздниках. Но она имела и свои специфичные формы праздника. На ранних этапах феодального общества основной формой такого праздника был пир, на котором люди, уже не связанные кровным родством, но объединенные общим отношением к хозяину, как бы становились ему родственниками. Пир мог проводиться по различным поводам, как например, приезд гостей, заключение договоров, празднование военных побед, и естественно график таких пиров не мог быть заранее известен на год, как график обрядовых или церковных празднеств. Отсюда происходил поиск эффективных и не требующих длительного периода подготовки форм развлечения, поддерживающих тем не менее внешне старые родовые традиции. На стадии зарождения, как самой знати, так и присущих только ей праздников, формы заимствовались у народных праздников. На одном из таких заимствований нам бы хотелось остановиться.

Часто ключ к явлениям, происходящим в крупных цивилизациях, можно найти в культуре небольших, прежде всего «островных» народов, в той или иной степени изолированных от остального мира естественными географическими преградами. То, что в материковых культурах в последующем трансформировалось порой до неузнаваемости, в естественной изоляции часто довольно длительное время сохраняется в неизменном, первоначальном виде.

Так, к примеру Исландия являет собой прекрасную возможность проследить процесс перехода от родовой общины к более сложной социальной структуре общества – феодальным отношениям – а с ним и появления праздника как части жизни господствующего слоя. Исландия возникла как протест на феодальную революцию на континенте. Здесь была предпринята уникальная попытка затормозить естественный исторический ход, в результате чего она длительное время была своеобразным островком феодальной контрреволюции, противопоставляя свои родовые свободы произволу норвежских королей. Не случайно живший в XIII в. знаменитый скальд и создатель «Младшей Эдды» (сборника включающего такие важные для понимания исландской поэзии книги как «Язык поэзии» и «Перечень размеров»), Снорри Стурлусон, при всех симпатиях к Норвегии, как исторической родине исландцев, выступал за сохранение прежних обычаев. Снорри вел активную политическую жизнь, был дважды избран законоговорителем на ежегодном всеисландском собрании - альтинге, и был тайно убит сторонниками норвежского короля Хакона IV.

Из Исландии волею некоторых историков-популяризаторов и журналистов создан образ древнейшей в средневековой Западной Европе республики, где альтинг предстает чуть ли не протопарламентом. В то время как на деле мы видим последнее в Европе рода-племенное общество. Переселенцы из Норвегии в Исландию были, по сути, группой контрреволюционеров, вынужденных эмигрировать, политических диссидентов, отстаивавших право жить по прежним законам. В силу этого сведения о феодальной революции в Скандинавии лучше всего сохранились в Исландии.

Как невозможно сегодня найти в материковой Европе ничего похожего на английских белых меловых лошадей, так и в Европейской литературе мы не встречаем явления, подобного исландским сагам. К сожалению, в отличие от своих более популярных собратьев – «королевских саг», сказаний древнегерманского героического эпоса – «саги об исландцах» или «родовые саги» получили широкую известность только последние два века. Между тем, именно эти саги привлекают своей во многом уникальностью, связанной с вышеуказанными особенностями исторического развития Скандинавии.

Родовые саги в своей основе функциональны. Это не просто истории, рассказываемые по вечерам, как сериал. Это литературно-художественное осмысление реальной жизни конкретных людей. В обществе, где длительное время не существовало никаких принудительных институтов кроме общественного мнения и никаких юридических институтов кроме альтинга (понятия государство до сих пор у исландцев выражается словом закон), сага на наш взгляд взяла на себя роль еще одного своеобразного политического института. Нельзя не заметить, что в Исландии до нач. XX в. не было фамилий – настолько известны были все основные роды. Отсюда длительное перечисление родни вводимого в повествования героя. Упоминание в саге было равносильно официальному признанию гражданства как для данного человека, так и для всего его рода. Детальнейшие топографические описания были своего рода закреплением в культурной традиции исторического права того или иного рода владеть определенными землями. Картографичность саг просто поражает, ярким примером чему может служить находка 1924 г., когда, руководствуясь текстом «Саги о Греттире» в точно указанном месте был обнаружен убитый в XI веке человек – один из героев этой саги.

Конечно саги, даже одного цикла неоднородны, являются носителями различных, порой даже противоречивых тенденций. Например, в «Саге об Эгиле» связь с Норвегией является еще живой и болезненной, а в саге «О людях из болот (из Логсдаля)» исландцы уже выступают самостоятельным народом и признаются таковыми в других странах.

Остановившись кратко на основных характеристиках саги как литературного произведения можно отметить:

1. Ярко выраженную индивидуальность героя, отличающего его от других, как и особенностей отличия одного рода от другого. Герой как правило – человек, идущий наперекор судьбе, что вполне естественно, учитывая, что само заселение Исландии было открытым вызовом стремлениям конунга Харальда создать из Норвегии единое управляемое государство, и следовательно требующего подчинения своей воле.

2. Автором преднамеренно не дается оценок личности героя. Читатель сам может оценить того или иного героя только с изложения автором тех или иных его поступков.

3. Сага всегда объемна, показывает жизнь героя абсолютно со всех сторон, не замыкаясь на его роде деятельности.

4. Жизнь героя не вырывается из контекста хода истории, жизни его рода. Сага как правило начинается повествование со времени еще до рождения героя и

заканчивается событиями, происходящими уже после его смерти. Отсюда как следствие

5. Анонимность автора, так как он претендует на достоверность излагаемых событий, которые не всегда лицеприятны и могут вызвать гнев живущих потомков того, о ком не лестно упомянули.

В силу своей функциональности как социального института сага была демократична, она должна была быть понятна простому народу. Сага была лишена литературных изысков и привлекала простотой языка. В ней по возможности избегаются прилагательные, сложные конструкции предложений. В то же время в сагах поражает умение автора в рамках предельно простой формы добиться высокого психологизма. Сложнейшие оттенки чувств и взаимоотношений преподносятся без прямого их названия путем описания ситуации. В редких случаях автор может упомянуть, что, к примеру, герой «пришел в ярость», чаще всего читатель прекрасно определяет состояние героя по описываемым обстоятельствам и его действиям. Видимо здесь берет свое начало психологизм романов Стринберга и фильмов Бергмана.

Еще один парадокс саг заключается в том, что в их структуру были включены (и таким образом дошли до нас) абсолютно противоположные им по форме и по сути изысканные литературные произведения – висы.

Виса возникла как хвалебный стих хозяину дома, превратившись в феодальном обществе в хвалебную песнь ярлу или конунгу. Она объединяет сразу несколько специфических форм игры со словами, о которые вкратце можно обозначить так:

- Причудливая рифмовка – полные и неполные внутренние рифмы в определенной последовательности – сочетается со строгой аллитерацией – сходное звучание начала двух слов, находящихся в определенном месте строки – и определенным количеством слогов в строке и строк в строфе. Такое чередование согласных предавало висе особое звучание и динамику. Сразу оговоримся, что висы из-за подобных сложностей очень сложны для переводов, а те переводы, которые мы встречаем, не сохраняют всю полноту этой игры слогов и звуков.

- Перемещение слов в предложении так, чтобы его смысл не улавливался сразу. К примеру, получив богатый подарок вместо понятных для всех слов «У меня на руке золотое кольцо, воинственному конунгу тем больше славы» автор висы сочинял не сразу понятное окружающим «Золотое у меня, воинственному конунгу, кольцо на руке, тем больше славы»).

- Особым изыском вис были так называемые кенинги – своеобразные поэтические загадки. На узкий общеизвестный набор понятий необходимо было придумать своеобразную загадку, определение, состоящее из двух слов. К примеру, корабль превращался в коня моря, воин – дерево битвы, меч – пес щита, битва – звон кольчуги, кровь – красный плач и т. д. Однако такие на первый взгляд простые загадки могли усложняться путем прибавления к известному кенингу следующего кенинга. Так воин мог быть назван правящим конем морским или хозяином пса щита, а меч – рыбой звона кольчуги.

Такие поэтические определения, в сочетании с витиеватым перемещением слов, создавали довольно запутанные построения, которые не сразу

распознавались слушателем, но запоминались благодаря стройности звучания, которую предавала им строгая аллитерация. Интересно, что и для собственно самой висы сочинители находили почетное определение – брага Одина. Хотя безусловно такое определение подходило только к истинной поэзии, в то время как неудачные и слабые висы получали от коллег нелюбезные определения, вроде – экскременты орла.

Виса появилась изначально и длительное время существовала как экспромт. Это была своеобразное словесное соревнование части гостей, желающих изысканно поблагодарить хозяина дома за угощение. Лучшая и непохожая на другие изысканная, не сразу разгаданная короткая похвала не только заслуживала подарка от хозяина, но и заучивалась и повторялась позднее гостями пира. Безусловно, поэтически одаренные люди могли сочинить вису и просто в избытке определенных чувств, будь то радость, горе, или просто восторг от встречи с красотой. Такие висы, как и имена их создателей тоже сохранялись в народной памяти. Это и понятно, большинство людей испытывают подобные чувства, но передать их в емкой запоминающейся поэтической форме дано единицам. Но сочиненная стихийно, «не по случаю», такая виса не приносила автору никакой награды, кроме памяти в народе. Иное дело виса рожденная публично, на пиру экспромтом, когда все присутствующие становились свидетелями ее рождения и судьями, сравнивающими с произнесенной ранее и следующей. Дух соревновательности охватывал и сочинителя, и слушателя, и награда победителю часто была очень достойной. Не случайно наиболее сложная форма такой хвалебной песни называлась драпой, что можно перевести как биться или сражаться. Рожденная непосредственно в присутствии гостей она была связана с конкретным конунгом, ярлом или простым бондом, на пиру которого родилась. Виса не теряла ценности после того, как прозвучала, так как была жестко привязана к конкретному сюе минутному моменту и месту, и запоминая её люди оговаривали момент её появления, а хлебосольный хозяин дома становился известным, как и сам скальд. Поэтому сочинитель висы должен был каждый раз создавать новую вису и никогда не повторяться. Думается, немалую роль в особенностях исландской поэзии сыграло отсутствие в период ее возникновения буквенного или хотя бы слогового письма. Руны, как и ранние иероглифы, идя от образного мышления, не могли фиксировать словесную мысль. Поэтический экспромт с одной стороны и высокая виртуозность с другой требовали от сочинителя немалого напряжения в создании сжатой короткой запоминающейся похвалы. Но нельзя было долго держать слушателя в этом напряжении словесных хитросплетений. Отсюда краткость вис. Виса, как и бой берсерка, не могла длиться долго. Заметим, что и то и другое – явления для современников были из ряда вон выходящие. Поэтому к известному скалду, как и к берсерку существовало отношение как к избранному, им обоим приписывались потусторонние силы. Берсерк считался человеком заколдованным, обладавшим тем, что не дано другим людям. Виса – так же была связана для простого слушателя с колдовством, только словесным.

Сложность построения висы и её связь с хозяином пира определяла ее ценность. При дворах конунгов и королей за висы стали дарить щедрые подарки, которые вскоре вошли в правила неписаного этикета. Так виса становится средством заработка и со временем все более усложняясь порывает с народной

традицией и становится уделом профессионалов. И если автор саг, как правило, анонимен, то хороший скальд быстро становился известным и популярным, а, следовательно, востребован заинтересованным в своей известности конунгам и ярлам. В отличие от анонимных сочинителей саг и сказок, имена многих скальдов известны даже несмотря на то, что собственно их произведения не сохранились. Можно сказать, что процесс выделения феодальной знати и трансформация висы из народного развлечения в элемент праздничного придворного ритуала и появления профессиональных скальдов происходили параллельно. Особенно ярко этот процесс нашел свое отражение в «Саге об Эгиле», рассказывающей историю жизни известного исландского скальда X в. Эгиля Скаллаgrimссона. Для Эгиля сочинение вис еще не было единственным родом занятий, но который в своих странствиях, можно сказать, сделал вису предметом исландского экспорта.

И внешне, и внутренне Эгиль представлял неординарную, даже среди героев других саг, личность. Автор саги как ни старается удержаться в рамках беспристрастности, невольно нарушает каноны жанра саги. Это происходит от того, что автор человек сложившейся в Исландии того времени системы, Эгиль же человек существующий сознательно вне этой системы, подчас откровенно насмехающийся над ней. Не случайно авторство саги, записанное в XIII в. часто приписывают уже упомянутому выше исландскому скальду и политику Snorri Sturluson. Пока Эгиль выступал против зарождающегося норвежского феодализма и лично против конунгов Харльда Прекрасноволосого и его сына Эрика Кровавой секиры, автор откровенно симпатизирует ему, но Эгиль точно так же не хотел признавать и требований исландского родового народовластия и на это автора саги не может не досадовать.

Эгиль по всем канонам не подходил для героя эпоса, но в том и особенность саги, что реальные факты для автора важнее вымысла. Эгиль некрасив от рождения, имея огромный лоб, широкие скулы и тяжелую нижнюю челюсть. К тому же от отца он унаследовал склонность к раннему облысению, а герой эпоса, как правило, красив. Эгиль невероятно силен от рождения, но он часто не может контролировать ни свою силу, а герой эпоса мужественен и его сила служит добру. Эгиль прожил очень долгую по тем временам жизнь – более 80 лет, а герой эпоса гибнет обычно ещё молодым и полным сил. Эгиль умер своей смертью, долго перед этим старясь и болея, а герой гибнет быстро и красиво, обычно в бою, совершив подвиг. Эгиль является богатым и даже подчас скупым человеком, в то время как герой эпоса всегда со всеми щедр. Эгиль обладал очень вздорным характером и не имел почтения ни к кому, а герой эпоса обычно сдержан и благороден в общении.

Таким образом если судить по канонам эпоса, Эгиль скорее антигерой. Но даже если не учитывать, что Эгиль был и остается самым прославленным исландским поэтом, о нем нельзя было не писать, так как большая часть родовых саг о исландцах повествует о его потомках. Он принадлежал к поколению первых рожденных уже в Исландии детей переселенцев, и по праву мог считать остров своей родиной.

Кроме этого, испытаний выпавших на долю Эгиля, из которых он с достоинством выходил, с лихвой хватило бы на десяток эпических героев, что не могло не привлекать к этому человеку автора саги.

Нетрадиционность такого героя заставляет автора искать этому обоснования еще среди его предков. Сага намекает, что и дед, и отец его были берсеками, а возможно и оборотнями. Кроме того и дед и отец хотя и не выступали как скальды Эгиля сочиняли запоминающиеся висы. Отец Эгеля кроме участия в многочисленных сражениях, был еще и искусным кузнецом, что у большинства народов ассоциируется с тайными знаниями и колдовством. В саге не раз встречаются и намеки на колдовские способности самого Эгиля, знание тайных рун и даже на своеобразный продолжительный мистический поединок между Эгилем и женою конунга Эрика Кровавой секиры, которую автор напрямую называет колдуньей. Рожденный в такой семье мальчик просто не мог быть обычным ребенком. Кроме уродства, невероятной силы маленький Эгиль ещё и заговорил раньше обычного срока, и поэтический талант у него проявился с самого раннего детства. Первые две висы маленький Эгиль сочинил ещё в три года на пиру, куда был приглашен с семьей их близким родичем и соседом. (заметим, что здесь еще виса существует в своем первоначальном виде – забавное времяпрепровождение социально-равных людей, своеобразное соревнование в остроте ума и красноречии). Мальчик быстро вник в стихотворно-образную структуру висы и выступил наравне со взрослыми, за что и получил от благодарного хозяина первое вознаграждение – две красивые ракушки и большое гусиное яйцо.

В обычной же жизни, далекой от пира и поэзии Эгилю было менее уютно, и уже с детства он проявлял себя как асоциальная личность. Вместе с поэтическим талантом с раннего возраста проявилась и его недюжинная сила, соответствующая непомерному, граничащему с уродством, росту. В шесть лет он убил двенадцатилетнего мальчика. Становилось очевидным, что в спокойной мирной жизни этому человеку не оставалось места.

В двенадцать лет уговорив брата взять его с собой в Норвегию, Эгиль покинул Исландию. Но в Норвегии мальчик не задержался и года, убив приближенного конунга Харальда Прекрасноволосого, за что, благодаря заступничеству брата, был только отправлен в изгнание. Так Эгиль с детства принял участие в многочисленных викингских набегах и военных походах. С юности ощущая свою уникальность он сам избирал в общении с другими то место, которое считал себе под стать. Так во время одного из набегов он сам себя назначил главарем попавших в плен викингов, сумел устроить побег и вернуться с богатой добычей. Ощущение себя физически и морально не таким как остальные, давало ему право считать себя если не выше всех, то не позволять никому становиться выше себя. Недюжинная физическая сила позволяла ему отстаивать собственное достоинство с социально равными, а встретившись в одной поединке с физически превосходящим противником ослабевший Эгиль его попросту загрыз зубами. Но он очень быстро понял, какое место может занять и среди сильных мира сего благодаря поэзии. Почет и подарки за сочиненную на пиру правителя хвалебную вису порой оказывались куда выше награды за боевую доблесть. В конечном счете Эгиль свой дар поэта оценил выше своих способностей воина и полководца, ставя статус скальда выше любого социального статуса. Такой статус

обеспечивал высокое положение при сохранении свободы действий, известный скальд был желанным гостем при дворах разных правителей, и его присутствие не только заметно оживляло пир, но и поднимало престиж хозяина, за который тот готов был охотно одаривать приезжего. Своеобразное кредо скальда автор саги выразил в стихах

*Песню вождю
Быстро сложил.
Но о скупцах
Петь не хочу.
Вольно пою
Славу вождю,
Где надо лгать -
Я молчалив.
(Перевод А.И. Корсуна)*

Можно сказать, что Эгиль внес большую лепту в формирование средневекового скандинавского этикета, прекрасно осознавая, что короля играют придворные. Вершиной значимости скальда в глазах окружающих стала встреча Эгиля со своим кровным врагом Эриком Кровавой секирой и его колдуньей-женой. Этот эпизод связан с одним из немногих сохранившихся до наших дней произведений Эгиля, так называемым «Выкупом головы». Собственно, сам Эрик, получивший прозвище Кровавая секира по взрывному характеру мало чем отличался от Эгиля. Любимец отца, Харальда Прекрасноволосого и убийца троих своих братьев, Эрик не смог не только сохранить целостность Норвегии, но и сохранить свой трон. Изгнанный из страны младшим братом Хаконом Добрым, он нашел прибежище в Англии став правителем Нортумбрии. Потерпев кораблекрушение недалеко от Йорка, Эгиль оказался в руках Эрика, но на его защиту встал побратим конунга и воспитатель его детей Аринбьярн, давний знакомый и поклонник Эгиля. Он сумел убедить Эрика не только не казнить немедленно среди ночи известного скальда, что было бы «низким убийством», но напротив позволить тому написать хвалебную песнь бывшему конунгу. Какова бы ни была вина Эгиля, по его словам, её искупит сочиненная хвалебная песнь, которая сохранится навсегда. Если же конунг, пусть и бывший, предпочтет прославиться, казнив беззащитного скальда, то сам Аринбьярн сделает это событие достойным предания. Человеческое желание расправиться с старым кровным врагом вступило в противоречие с социальным статусом правителя, особенно с уже и без того пострадавшей репутацией, и, не смотря на уговоры жены, Эрик принял доводы Аринбьярна. Естественно, в таких обстоятельствах об экспромте не могло быть и речи, слишком высок был риск, и Эгиль просидел до утра над хвалебной песнью. Когда же утром при большом скоплении гостей Эгиль прочел пространную драпу, сочиненную особо сложным размером, рухнет, он был отпущен, с условием никогда больше не попадаться Эрику Кровавой секире. Среди всех щедрых наград, полученных Эгилем это без сомнения была самая высокая плата.

Когда Эгиль окончательно возвратился в Исландию он стал основателем большого рода, но за всю долгую жизнь на родине он так и не смог стать там своим. Исландцы уважали Эгиля за то, что он мог позволить себе сказать и сделать то, чего не мог позволить себе никто другой в Исландии. Но они не любили

его за пренебрежительное отношение к столь лелеемому ими народовластию, бывшему предметом их национальной гордости. Характерен эпизод саги о том, как старый и больной Эгиль просил своего сына взять его на альтинг, чтобы со «скалы закона» разбрасывать серебро «и было бы удивительно, если бы люди мирно поделили бы его между собой. Я думаю, тут будет довольно и пинков, и пощечин, и, возможно, что в конце концов все на тинге передерутся». Спокойный и рассудительный сын скальда был в ужасе от такого плана и, естественно, не взял отца. Престарелый Эгиль доживал в полном достатке, не имея причин ссориться с осторожными мирными спокойными соседями.

Интерес к стихосложению в Исландии постепенно угасал. Испытав в период Эгиля подлинный расцвет и приобретя популярность и востребованность в ранних скандинавских феодальных государствах и Англии, в самой Исландии, утратив свое первоначальное предназначение, в новом качестве виса была не востребована, а профессиональные поэты были не нужны добропорядочным земледельцам, мирно живущими с родичами-соседями. Желаящие повторить судьбу Эгиля должны были покинуть родину.

Однажды на альтинге в палатку престарелого Эгиля заглянул вернувшийся из Норвегии скальд Эйно́р Звон весов. С юности сочиняя висы он покинул Исландию став дружинником и участвовал в норвежской междоусобице. Они долго беседовали о искусстве скальдов и расстались близкими друзьями. В редкие приезды в Исландию скальд привозил другу новости, а однажды преподнес в знак благодарности дорогой инкрустированный золотом щит, полученный Эйно́ром за прочитанную при дворе одного правителя за хвалебную песнь. Эйно́р Звон весов оказался единственным близким по духу и интересам исландцем, в то время как дети Эгиля не унаследовали таланта отца, а соседи не интересовались сложными словесными построениями. Но и ослепший, спотыкающийся в собственном доме скальд, у которого все было в прошлом, продолжал слагать висы даже о своей слепоте и больных ногах, находить удивительно трогательные кенинги, и, хотя за них он уже не получал никаких наград, они сохранились в памяти слушателей.

Однако оторванная от народной почвы, став частью придворного пира, виса окончательно превратилась в элитарный жанр, и на первое место выдвинулась развлекательность. Виса всегда была сродни исландскому прикладному искусству с его причудливостью и витиеватостью. Но как в любой утилитарной вещи излишнее украшательство ведет к потере функциональных свойств, так и в висе, в конце концов форма разрушила содержание. Скальды становились часто зависимы от двора одного правителя, предпочитая не рисковать с перемещениями, а довольствоваться тем, что есть. Число профессиональных скальдов росло, но среди них не было фигуры равной Эгилю по таланту, амбициям и экстравагантному поведению. Потеря скальдами харизмы рождала потерю уважения и интереса к ним у правителей. От желания угодить слушателям и их предпочтениям терялась индивидуальность поэта и пропадал элемент экспромта. Развивались штампы, появился плагиат, жанр деградировал и постепенно упрощался и по форме и по содержанию. Характерен эпизод, когда в XI в. датский король Кнуд Могучий отправил на плаху скальда Ториана за исполнение флокка, более простой формы хвалебной песни чем драпа. Такое поэтическое небрежение

король счел ни чем иным, как оскорблением величества, и только спешно но успешно сочиненная драпа спасла голову провинившегося скальда.

Но и не порывавшие с народной традицией саги постигла та же участь. Чрезмерная их утилитарность привела к тому, что саг как социального института достаточно было и старых. Энергичные и амбициозные исландцы покидали остров, а оставшиеся мирные земледельцы не представляли для сказителей интереса, так как в их поступках они не находили интересных сюжетов. Постепенно в сагах появляется все больше фантастических существ, они теряют свою документальность, предлагая взамен занимательность и фантазию. К XIV веку традиция складывания саг и вис отмирает.

Список литературы

- Гвинн Д.* Викинги. Потомки Тора и Одина. М., 2007. 445 с.
Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия скальдов. М., 1999. 752 с.
 Исландские саги. Антология. М., 1956. 784 с.
 Исландские саги. СПб., 1999. Т. 1. 831 с. Т. 2. 559 с.
 Поэзия скальдов. СПб., 2004. 184 с.
Стеблин-Каменский М. И. Скальдическая поэзия // Поэзия скальдов. Л., 1979. С. 77-130.
Стурлусон С. Младшая Эдда. М., 1970. 254 с.

References

- Gwynn D.* Vikings. Descendants of Thor and Odin. Moscow, 2007. 445 p.
Gurevich E.A., Matyushina I.G. Poetry of skalds. Moscow, 1999. 752 p.
 Icelandic sagas. Anthology. Moscow, 1956. 784 p.
 Icelandic sagas. St. Petersburg, 1999. T. 1. 831 p. T. 2. 559 p.
 Poetry of skalds. St. Petersburg, 2004. 184 p.
Steblyn-Kamensky M.I. Skaldic poetry // Poetry of skalds. L., 1979. P. 77-130.
Sturluson S. Younger Edda. Moscow, 1970. 254 p.